

ОДИССЕЙ

2008

Script/Oralia: взаимодействие
устной и письменной традиций

Ночь как объект
исторической науки

Историческая наука
и «порядочные люди»

Карьерные стратегии
монархии Габсбургов

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ,
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А. ЛЕВИНСОН,
С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Т.Н. ДЖАКСОН,
доктор исторических наук В.Я. ПЕТРУХИН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. :
Наука, 1989 – .

2008 : Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в
Средние века и раннее Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2008. –
483 с. – ISBN 978-5-02-036740-1.

Юбилейный двадцатый выпуск альманаха “Одиссей” открывается разделом, посвященным анализу трансформаций, которые происходят с устной традицией в ситуации конфликта и взаимодействия с традицией письменной, в частности в условиях билингвизма при переводе с одного языка на другой и в эпоху книгопечатания, когда печатное слово начинает проникать в сферу устного и наоборот. Другие разделы сборника посвящены сравнительным исследованиям, истории представлений о времени, социальной истории, проблемам анализа словесных и визуальных образов в культуре. Публикация номера – текст гомилии блаженного Августина на один из стихов 120-го псалма. Традиционно значительное место уделено рецензиям и обзорам новой литературы.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей.

Темплан 2009-И-238

ISBN 978-5-02-036740-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2008
- © Лучицкая С.И., составление, 2008
- © Коллектив авторов, 2008
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания), 2008
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
------------------	---

SCRIPT/ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

<i>С.И. Лучицкая</i> ВВЕДЕНИЕ	7
<i>А.Л. Топорков</i> МАГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В УСТНЫХ И РУКОПИСНЫХ ТРАДИЦИ- ЦИЯХ РОССИИ XVII–XVIII ВВ.	13
<i>С.И. Лучицкая</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В ХРОНИКАХ И CHANSONS DE GESTE ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.	29
<i>О.И. Тогоева</i> “УПОВАЮ НА НЕГО И НЕ БОЮСЬ...” (ИС. 12: 2). ПРЯМАЯ РЕЧЬ ЖАННЫ Д’АРК НА ПРОЦЕССЕ 1431 г.	62
<i>София Менаше</i> УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В ХРОНИКАХ: ТЕКСТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ (перевод с английского С.И. Лучицкой)	81
<i>Мари-Кристин Вароль</i> ТРАДИЦИЯ ТЕКСТОВ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ВЕЛИКОМ В СОВРЕМЕН- НЫХ ЕВРЕЙСКО-ИСПАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ (перевод с француз- ского С.И. Лучицкой)	105
<i>А.А. Котомина</i> “ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ПРЯХ”: ОПЫТ ЗАПИСИ ПОВЕРИЙ В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ	138
<i>М.И. Василенко</i> ТРАДИЦИОННАЯ АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНО- ШЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ	155
<i>Г.А. Попова</i> КТО ГОВОРИЛ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В ХРИСТИАНСКОМ ТОЛЕ- ДО? (СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ТОЛЕДО XII–XIII ВВ.)	165

<i>С.И. Лучицкая</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
НИВЕРНО-ROSSICA: “ЗНАНИЕ В ОБЛАКАХ” В ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ...	182
<i>П.В. Лукин</i>	
ДРЕВНЕРУССКИЙ “ПОТОК И РАЗГРАБЛЕНИЕ” В СВЕТЕ GERMANСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ	196

ВРЕМЯ САКРАЛЬНОЕ – ВРЕМЯ МИРСКОЕ

<i>Ален Кабантус</i>	
НОЧЬ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА XVII–XVIII вв.) (<i>перевод с французского И.К. Стаф</i>)	211

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>О.В. Хаванова</i>	
КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В ЗЕРКАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ	230

СЛОВО И ОБРАЗ В КУЛЬТУРЕ

<i>О.Ф. Кудрявцев</i>	
“ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ САТУРНОМ”: АСТРАЛЬНАЯ МАГИЯ МАРСИЛИЯ ФИЧИНО	251
<i>И.Г. Галкова</i>	
“АКВИТАНСКИЙ ВСАДНИК” И АКВИТАНСКИЕ АРИСТОКРАТЫ: К ВОПРОСУ О СВЕТСКОМ ЗАКАЗЕ ЦЕРКВЕЙ В XII в.	275

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

<i>С.Л. Козлов</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И “ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ”: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К “АПОЛОГИИ ИСТОРИИ”	302

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

<i>Питер Бёрк</i>	
“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (<i>перевод с английского К.А. Левинсона</i>)	337

Е.Е. Савицкий

“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В ИСТОРИОГРАФИИ – ДРУГИЕ ВЕРСИИ (КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ ПИТЕРА БЁРКА)	355
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

С.А. Степанцов

“УЖЕ ОСВЕЩЕНЫ ГОРЫ”: ПС 120: 1 У АВГУСТИНА И ЕГО ПРЕД- ШЕСТВЕННИКОВ	367
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

К.А. Левинсон

ТАКАЯ РАЗНАЯ УСТНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Nitхаммер Л.</i> Фрагменты немецкой памяти. М. (в печати). Книга погро- мов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.: Сб. док-тов / Отв. ред. Л.Б. Милякова и др. М., 2007	382
---	-----

С.И. Лучицкая

ВОСПРИЯТИЕ НОЧИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

L’imaginaire de la nuit au Moyen âge / Études réunies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes. 2002. Т. 106, N 2	409
--	-----

О.Е. Кошелева

ВОЛОВЬИ ЛУЖКИ И СИБИРСКИЕ ПРОСТОРЫ

<i>Kivelson V.</i> Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth- Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006	417
---	-----

А.В. Толстиков

СЕЛЬСКИЙ ПРИХОД ПОСЛЕ “ОХОТЫ НА ВЕДЬМ”

<i>Lennerstrand M., Oja L.</i> Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häx- processerna 1668–1671. [Hedemora], 2006	430
--	-----

ХРОНИКА

А.В. Свешников, Б.Е. Степанов

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ (К 20-ЛЕТИЮ “ОДИССЕЯ”)	444
---	-----

М.Ю. Парамонова

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А.Я. ГУРЕВИЧА	457
-----------------------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЕЖЕГОДНИКЕ “ОДИССЕЙ” ЗА 1999–2008 ГОДЫ	461
--	-----

SUMMARIES	471
-----------------	-----

IN MEMORIAM

Юрий Павлович МАЛИНИН (1946–2007)	476
---	-----

CONTENTS

To the reader	5
---------------------	---

SCRIPT/ORALIA: THE WRITTEN AND THE ORAL IN THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

S.I. Luchitskaya

INTRODUCTION	7
--------------------	---

A.L. Toporkov

MAGIC TEXTS IN THE 17 TH - AND 18 TH -CENTURY RUSSIAN ORAL AND HANDWRITTEN TRADITION	13
---	----

S.I. Luchitskaya

THE INTERPLAY OF THE ORAL AND THE WRITTEN IN CHRONICLES AND CHANSONS DE GESTE OF THE FIRST CRUSADE	29
---	----

O.I. Togoeva

'FIDUCIALITER AGAM ET NON TIMEBO' (ISAIAS 12: 2). JOAN OF ARC'S DIRECT SPEECH AT THE 1431 TRIAL	62
--	----

S. Menache

ORALITY IN CHRONICLES: TEXTS AND HISTORICAL CONTEXTS	81
--	----

M.-Chr. Varol

TEXTUAL TRADITION OF ALEXANDER THE GREAT IN MODERN JUDEO-SPANISH PROVERBS	105
--	-----

A.A. Kotomina

THE GOSPELLES OF DYSTAUES: ASSIMILATING NEW KNOW-HOW AND WRITING DOWN POPULAR BELIEFS	138
--	-----

M.I. Vasilenko

THE ORAL AND THE WRITTEN IN TRADITIONAL ARABIC POETRY	155
---	-----

G.A. Popova

WHO SPOKE ARABIC IN CHRISTIAN TOLEDO? (THE USE OF ARABIC IN 12 TH - AND 13 TH -CENTURY TOLEDO)	165
---	-----

S.I. Luchitskaya

CONCLUSION	178
------------------	-----

COMPARATIVE HISTORY

G.V. Bondarenko

HIBERNO-ROSSICA: 'KNOWLEDGE IN THE CLOUDS' IN OLD IRISH AND OLD RUSSIAN MYTHOPOEIC TRADITIONS	182
--	-----

P.V. Lukin

THE OLD RUSSIAN <i>POTOK I RAZGRABLENIE</i> AND ITS GERMANIC PARALLELS	196
--	-----

TIME SECULAR AND SACRED

A. Kabantus

NIGHT AS SUBJECT OF HISTORICAL RESEARCH (WESTERN EUROPE, 17 TH –18 TH CENTURIES)	211
--	-----

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CAREER STRATEGIES IN THE 18 TH -CENTURY HABSBURG MONARCHY IN THE MIRROR OF PETITIONS TO THE MONARCH	230
--	-----

WORD AND IMAGE IN CULTURE

O.F. Kudryavtsev

‘IMPRINTED BY SATURN’: MARSILIO FICINO’S ASTRAL MAGIC	251
---	-----

I.G. Galkova

THE ‘AQUITAINIAN HORSEMAN’ AND AQUITAINIAN NOBLES: TOWARDS THE QUESTION OF LAY PATRONAGE OF THE 12 TH -CENTURY CHURCH BUILDING	275
---	-----

HISTORIAN AND TIME

S.L. Kozlov

THE HISTORICAL RESEARCH AND THE <i>HONNÊTES GENS</i> : TOWARDS AN EXPLICATIVE COMMENTARY TO MARC BLOCH’S <i>APOLOGIE POUR L’HISTOIRE</i>	302
--	-----

DISCUSSIONS ON HISTORIOGRAPHY

P. Burke

THE PERFORMATIVE TURN IN RECENT CULTURAL HISTORY	337
--	-----

Ye.Ye. Savitsky

‘THE PERFORMATIVE TURN’ IN HISTORIOGRAPHY: OTHER VERSIONS (A COMMENTARY ON PETER BURKE’S ARTICLE)	355
---	-----

PUBLICATIONS

S.A. Stepantsov

- 'IAM ILLUMINATI SUNT MONTES': PSALM 120: 1 IN AUGUSTIN'S AND HIS PREDECESSORS' WRITINGS 367

BOOK REVIEWS

K.A. Levinson

ORAL HISTORY THE MANIFOLD

- Niethammer L.* Fragmenty nemetskoy pamyati. Moskva (forthcoming); Kniga pogromov. Pogromy na Ukraine, v Byelorussii i v evropeyskoy chasti Rossii vo vremya Grazhdanskoy voyny 1918–1920 gg. Sbornik dokumentov / Otv. red. L.B. Milyakova i dr. Moskva, 2007 382

S.I. Luchitskaya

THE PERCEPTION OF NIGHT IN THE MIDDLE AGES

- L'imaginaire de la nuit au Moyen âge / Etudes recueillies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.* 2002. T. 106. N 2 409

O.Ye. Kosheleva

OXEN MEADOWS AND THE VAST TRACTS OF SIBERIA

- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006 417

A.V. Tolstikov

LIVING ON IN A RURAL PARISH AFTER THE WITCH HUNT

- Lennerstrand M., Oja L.* Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häxprocesserna 1668–1671. [Hedemora], 2006 430

CHRONICLE

A.V. Sveshnikov, B.Ye. Stepanov

- TWENTY YEARS AFTER (THE 20TH ANNIVERSARY OF *ODYSSEUS*) 444

M.Yu. Paramonova

- AARON GUREVICH MEMORIAL READINGS 457

- INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN *ODYSSEUS* IN 1999–2008 461

- SUMMARIES 471

IN MEMORIAM

- Yuriy Pavlovich MALININ (1946–2007) 476

УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В ХРОНИКАХ: ТЕКСТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ

Устная история, родившись в Чикаго в конце 20-х годов XX в. как ответвление прикладной социологии и как особая область исторических исследований, поставила ряд методологических проблем, до сих пор не нашедших удовлетворительного разрешения¹. Взаимоотношения между устными и письменными свидетельствами, между индивидуальной и коллективной памятью, между народной и интеллектуальной культурами, – если говорить о самых известных из связанных с устной историей спорных вопросах, – до сих пор вызывают острые дискуссии и стимулируют появление провокационных исследований². Достаточно упомянуть, что под рубрикой “устная история” на сайте “Международная библиография по Средневековью” перечислены 354 публикации, появившиеся за последние 10 лет. Однако лишь незначительная часть этих работ посвящена изучению средневековых хроник как источника по устной истории, и только единичные исследования сосредоточены на эпохе классического и позднего Средневековья.

Факт сосуществования столь значительного интереса к средневековой устной традиции с почти полным отсутствием исследований устной культуры в нарративных памятниках может на первый взгляд показаться неожиданным. Так или иначе, хроники – один из важнейших источников по средневековой истории, отражающий все ее грани. Однако малочисленность исследований устной традиции в хрониках легче объяснить и даже оправдать, приняв во внимание те сложности, с которыми сталкиваются медиевисты, изучая устную традицию в целом и особенно хроники в качестве источников по истории устных коммуникаций. Упомянем лишь некоторые из этих проблем: устная история возникла и развивалась в XX в., в то время как большую часть исторических источников составляют всевозможные письменные документы. Далее, цели и методы устной истории формировались в тех культурно-исторических условиях, когда историки хорошо сознавали ненадежность устных свидетельств. В эпоху Средневековья, напротив, устные коммуникации находились в центре социо-культурной жизни³, в то время как письменное слово имело ограниченное распространение, будучи монополией узких элит⁴.

Эти несоответствия между тем положением, которое устные коммуникации занимали в Средние века, и их ролью в современном мире обуславливают лишь небольшую часть всех сложностей, возникающих в процессе изучения устной традиции. Средневековые коммуникации были в большей степени личностными и менее опосредованными в сравнении с современными, для которых, по сути,

характерно преобладание электронных средств связи, используемых в обществе взаимного отчуждения. Передача сведений из уст в уста была главным методом усвоения и распространения разнородной информации в средневековом обществе, что типично как для хронистов, так и их современников. Вездесущность устного слова в средневековом обществе может быть выявлена практически в каждой сфере средневековой повседневной жизни: всевозможные клятвы и сделки, как личные, так и публичные, а также феодальные споры и многие частные случаи феодального неповиновения формулировались и в конце концов разрешались с помощью средств устного общения. В целом можно утверждать, что к письменному слову обращались лишь в исключительных случаях. В результате устная культура функционировала на очень высоком лингвистическом уровне и, как правило, люди не нуждались в письменных формах взаимодействия, хотя технические предпосылки для их использования были достаточно укоренены⁵. Неудивительно, что хронисты в своем восприятии ориентировались главным образом на устные источники; хроника может быть рассмотрена как особый письменный текст, не утративший своей сущностной связи с устной культурой⁶. С другой стороны, устная и письменная традиции более не рассматриваются как взаимно исключающие – “речь и письмо не являются антонимами” – или относящиеся к разным социальным стратам⁷. Несколько лет тому назад П. Гири отметил существование сложных взаимоотношений между устной и письменной традициями, – ведь средневековые люди очень легко перемещались между двумя мирами, используя порожденные ими явления как инструмент взаимного правового обоснования или смысловой интерпретации⁸.

Следует также учитывать, что средневековая культура соединяла в себе германскую устную традицию и систему христианской и классической литературной образованности⁹, и это чрезвычайно затрудняет, если не делает вообще невозможным, выявление четких различий между ними. Ришар Фурниваль признавал двойственный характер средневековой культуры в своем “Бестиарии любви”. Прибегая к метафорическому языку, он выявил божественный источник человеческого восприятия и мышления: “И поскольку Бог так любит человека, что желает обеспечить его всем, в чем тот нуждается, он одарил его некоей душевной силой, известной под названием память. У памяти два вида врат – зрение и слух. И каждые из этих врат открывают пути, по которым можно совершить путешествие к памяти, – образ и слово. Образ служит глазам, а слово – ушам. По этой причине память должна вверять свое сокровище, приобретенное посредством упражнения, опеке чувств. И это приводит к тому, что предметы из прошлого, кажется, непосредственно присутствуют среди нас. И так происходит благодаря образу и слову. Ибо если кто-

то видит изображение истории Трои или чего-то подобного, то он созерцает подвиги славных людей прошлого, как если бы они здесь присутствовали. И то же самое происходит со словами. Ибо если кто-то слышит, как читают книгу на французском или немецком языке, то он постигает приключения славных людей прошлого, как если бы они здесь присутствовали”¹⁰.

Тесная и сложная связь между устной и письменной традициями (“двумя воротами”, о которых говорит Ришар Фурниваль) оправдывает контекстуализацию культурной среды хронистов как первую ступень к пониманию того обстоятельства, что в отдельных случаях хронисты возвращались к устной традиции. Был ли это первый шаг в направлении *Verschriftlichung*, а именно к понятийному преобразованию устного свидетельства¹¹? В силу самой задачи хроники – сообщение о прошлом в хронологическом порядке – она обычно не передает диалог и устные высказывания, а сами хронисты не всегда делают различия между устными сообщениями и подлинными историческими событиями. К тому же, анализируя взаимоотношения между устной и текстуальной традициями, мы встаем перед важными методологическими проблемами. В процессе записи переданный изустно рассказ утрачивает формальную структуру устного сообщения, тем самым изменяется его контекст и социальное значение¹². Кроме того, перевод с народного языка текста, по всей видимости, содержащего диалоги, на латынь (в случае с Матвеем Парижским) или на народный язык сочинения – итальянский (в случае с Джованни Виллани) создает много лингвистических проблем, с которыми сталкивается историк в поисках наиболее подходящих методологических инструментов. Далее следует отметить взаимные отличия разных языков и, видимо, осознанное противопоставление латыни и народных языков, характерное для средневековых интеллектуалов. Например, Иоанн Солсберийский утверждал, что “люди, которые не выучились прилично читать латинские тексты, остались неграмотными (*illitterati*), даже если они были посвящены в тайны письма”¹³.

Через призму методологических проблем и гипотез в этой статье рассматриваются отдельные фрагменты текстов, в которых хронисты цитировали диалоги или обращались к устной традиции. Понятно, что средневековые хронисты были лишены возможности записывать устную речь на магнитофон, что сегодня дает нам повод сомневаться в подлинности их сообщений. Но дело, конечно, не в технических возможностях людей той эпохи, а в подходе средневековых хронистов к записываемому материалу. В этом смысле уместно привести пример Гальберта из Брюгге. В бытность свою нотариусом он записывал на восковых табличках ключевые моменты и фразы, которые говорились на открытых заседаниях. Но хотя Гальберт лучше, чем боль-

шинство его современников, осознавал важность точности записи, он скорее пытался зафиксировать общий смысл беседы или диалога, чем воспроизвести его *in verbatim*¹⁴.

Таким образом, к технической ограниченности средневековых хронистов следует добавить и то обстоятельство, что у них было иное восприятие истории и методов ее написания. Правда, Исидор Севильский уже в VI в. рассматривал историю как рассказ о подлинных событиях (*nam historiae sunt res verae quae factae sunt*), достоверность которого могла быть засвидетельствована только очевидцем¹⁵. Однако средневековые хронисты все же недостаточно осознавали важность аутентичности сообщаемых ими сведений. Вместо этого они ссылаются на слухи, рассказы и просто сплетни в том виде, в котором они до них дошли, будь то из устной или письменной традиции. Э. Ван Хутс различает семь видов устной традиции, для части из которых имеются специальные латинские обозначения, используемые хронистами для отсылки к устным источникам информации:

1) хронист – сам очевидец событий, о которых он сообщает; такие рассказы предваряются следующими терминами – “*videre*” (“видеть”), “*colloqui*” (“говорить”), “*proprio visu*” (“видеть своими глазами”), а также “*accipere auribus*” (“выслушать”);

2) сообщение очевидца; на него ссылаются, используя такие термины, как “*vir fidei dignus*” (“достойный доверия человек”), “*relator fidelis*” (“надежный рассказчик”) или “*verus homo*” (“правдивый человек”);

3) информация, полученная через посредника;

4) ссылки на слухи и сплетни, которые хронист вводит такими выражениями, как “*fertur*” (“говорят”), “*referentur*” (“сообщается”), “*narrator*” (“рассказчик”), “*creditor*” (“верят”), “*vulgabatur*” (“рассказывали”), “*fama refert*” (“молва доносит”);

5) ссылки на слухи при помощи использования соответствующей терминологии, упомянутой выше; при этом хронист выражает сомнение по поводу надежности сообщаемой информации;

6) рассказы жонглеров, старые баллады и песни;

7) рассказы, обычно краткие, о людях, удаленных от хрониста во времени и пространстве¹⁶.

Э. Ван Хутс полагает, что, “используя устную информацию, средневековые историки соблюдали определенные правила жанра, и они отдавали себе отчет в существовании этих правил, уже вполне отчетливо сформулированных к XII в. По мере того как общество становится все более грамотным, историк уделяет устным свидетельствам все большее внимание”¹⁷. В настоящей статье будет про-

верена истинность подобных утверждений применительно к нарративным памятникам XIII–XIV вв. В самом деле, можно ли обнаружить у их авторов осознанное использование критериев дифференциации устной традиции, подобных тем, какие обнаруживает Э. Ван Хутс? Правомерно поставить и другой вопрос: когда хронисты ссылаются на свидетельства устной коммуникации, такие как диалог или разговор между тремя или более людьми, в какой степени они сами были очевидцами описываемой ими ситуации, или же они использовали информацию из вторых рук? Обращение к этим проблемам может продвинуть нас в понимании перспектив изучения позднесредневековых хроник как источника устной традиции и, возможно, прояснить некоторые методологически спорные вопросы.

Источником для этого исследования послужили “Большая хроника” Матвея Парижского и “Хроника”, или “История Флоренции”, Джованни Виллани. Обе хроники широко известны, и обе в свое время пользовались огромной популярностью; каждая из них служила для писавших позже авторов источником вдохновения и, зачастую, примером для подражания¹⁸. По своему кругозору это хроники всемирные, и их хронологические рамки очень широки; “Большая хроника” (*Chronica Major*) начинается с “Книги Бытия”, а “История Флоренции” – с рассказа о вавилонском столпотворении. Историческая ценность обоих источников возрастает по мере того, как каждый из них приближается к рассказу о жизни своего поколения. 1236 г. и 1300 г. соответственно представляют собой поворотную точку в повествовании в “Большой Хронике” и в “Истории Флоренции”: значение обеих дат обосновывается ниже в обзорах биографии авторов. В настоящей статье детально рассмотрены упомянутые в этих хрониках устные свидетельства, которые включены в следующие сюжеты:

- 1) иудео-монгольский заговор;
- 2) Мухаммед и мусульманские обряды и верования;
- 3) выборы папы Климента V;
- 4) события в Ананьи.

“Большая хроника” Матвея Парижского дает материал для первых двух сюжетов, а “История Флоренции” Виллани – для двух следующих. Некоторые сообщения хронистов никак не связаны с исторической реальностью, по крайней мере, это замечание справедливо относительно ряда фактов, которые они якобы правдиво представляют. Тем не менее одна из посылок этой статьи заключается в том, что рассматриваемые произведения все же могут служить историческим источником: если некоторые их сведения и нельзя назвать достоверной информацией, поскольку их содержание – это чистая дезинформация, то они все же точно отражают общие настроения, страхи, стереотипы и эмоции современников или, по крайней мере,

тех групп, кто сохранял эти истории, будь то монахи Матвея Парижского или купцы Джованни Виллани. Хотя рассказы хронистов нельзя считать устными свидетельствами в точном смысле слова, с большими оговорками их можно рассматривать как источник по устной традиции, поскольку они включают диалоги, устойчивые выражения и поговорки. Отсылки к доступному нам просопографическому материалу имеют первостепенное значение для понимания исторического фона и способа восприятия хронистами исторических событий или, точнее, для объяснения свойственных им особенностей повествования¹⁹.

ХРОНИКИ И ИСТОРИИ

Вплоть до переходного периода XIII–XIV вв. хроника была, говоря словами Б. Генэ, “бедной родственницей” истории, однако к XIV в. она стала ее богатой и единственной наследницей. Согласно Б. Генэ, главная цель составителей средневековых хроник заключалась в том, чтобы обстоятельно, грамотно и в хронологическом порядке изложить события, снабдив их точными датами. “Хроника, – заключает Б. Генэ, – стала настоящим шедевром средневековых историков, благодаря которому они могли продемонстрировать свою эрудицию, не утомляя при этом своих читателей”²⁰.

Выдвинутые Б. Генэ предположения, а именно отождествление хроник XIV в. с историей, создают серьезные методологические проблемы как точной дефиниции истории, так и допустимости применения этого понятия к хроникам. “*Omnis definitio periculosa ist*”, – утверждали средневековые канонисты. Данная статья не ставит задачи углубляться в спорные вопросы определения истории и рассматривать ее методологическое многообразие. Тем не менее, исследуя значение нарративных памятников для изучения устной истории, оправданно вкратце рассмотреть хроники как специфический исторический жанр. Согласно Э. Ван Хутс, хроника есть “исторический нарратив, в хронологическом порядке рассказывающий о событиях, включающих жизнь более чем одного поколения”²¹. Д. Дамвилл по этому поводу заметил, что “ни одна хроника не могла избежать хронологии”²², хронография была самой ее сутью. Таким образом, как Э. Ван Хутс, так и Д. Дамвилл расценивают хронологический порядок как самую суть хроники. Но хронология отражает лишь один из признаков хроники, который Г. Спигел дополнила социологической характеристикой: “Преимущество подхода к средневековым хроникам в терминах социальной логики текста состоит в том, что он позволяет изучать их методами социальной истории, рассматривать их в локальном или региональном социальном контексте, сквозь призму

существующих в этом контексте человеческих отношений, систем коммуникаций и власти, которые способны порождать особые семантические модуляции хроники, – и таким образом, поможет воссоздать их истинный смысл, подобно тому как пытается постичь его история культуры. Понятые таким образом тексты одновременно и отражают социальную реальность, и порождают ее и создают социальные и лингвистические структуры, которые тексты – в каждом конкретном случае по-разному – могут поддерживать, оспаривать, стремиться преобразовать”²³.

Таким образом, Г. Спигел рассматривает хроники и как зеркало исторической реальности, и как фактор влияния на окружающий социальный мир, осуществляемого в определенном пространственно-временном континууме. Д. Дамвилл обсуждает далее проблему этого влияния, делая акцент на тесной связи между хронистом и его аудиторией или общностью, к которой он принадлежит. Кроме того, он отмечает значение хроник для пропаганды определенных взглядов, а также то обстоятельство, что в позднее Средневековье политическая элита начинает осознавать эту утилитарную черту жанра хроник²⁴. Б. Генэ, с одной стороны, и Г. Спигел – с другой, представляют два разных и, возможно, противоположных взгляда на хроники. Если Б. Генэ рассматривает позднесредневековые хроники как историческое сочинение, служащее любым целям, то Г. Спигел справедливо воздерживается от таких радикальных утверждений. Исследование позднесредневековых хроник с легкостью покажет, что обобщения Б. Генэ не выдерживают проверки на прочность. Наряду с исторической информацией, позднесредневековые хроники полны всякого рода анекдотов и историй, окрашенных различными предрассудками, фантазиями и стереотипами. Это обстоятельство ставит медиевиста перед методологической проблемой извлечь исторически достоверную информацию из источников, которые на первый взгляд содержат лишь баснословные сведения.

ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Матвей Парижский

О ранних годах Матвея Парижского мало что известно. Возможно, он родился в Английском королевстве около 1200 г. и служил в бенедиктинском Сент-Олбанском монастыре в 1217 г. За исключением нескольких встреч с королем Генрихом III и единственного путешествия в Норвегию, большую часть своей жизни хронист провел в этой монашеской обители. Самый значительный его труд “Большая хроника” стал продолжением сочинения Роже Вендовера “Цветы истории”. Матвей Парижский помогал своему предшественнику Роже

Вендоверу в скриптории вплоть до 1234 г., когда сменил его в должности писца²⁵. Его перу принадлежат “Деяния аббатов”, биография покровителя монастыря “Житие св. Олбана” и житие архиепископа Кентерберийского Эдмунда Рича (1175–1231). Матвей Парижский также перевел биографию Эдуарда Исповедника с латыни на народный язык. Матвей хорошо сознавал ценность своего труда и жаловался на удел историков: “Ведь если они говорят правду, они раздражают людей, а если пишут неправду, то оскорбляют Бога”²⁶. Столь острое историографическое самосознание Матвея Парижского побудило его к тому, что он воспользовался центральным положением Сент-Олбанского монастыря и собирал любые свидетельства, которые он мог записать со слов самых видных людей его поколения. Кроме выдающихся англичан в аббатстве время от времени появлялись заморские путешественники и обогащали рассказ Матвея Парижского сведениями из первых рук. И все они питали безграничное любопытство Матвея и позволили ему написать самую обширную историю своего времени. Однако Матвей Парижский не всегда соблюдал хронологическую точность, а его концептуализация исторического процесса не сделала его сочинение более искусным. Для описания периода до 1236 г. Матвей сокращал другие монастырские анналы и хроники или частично копировал их, таким образом создав для современных историков как концептуальные, так и методологические проблемы. Тем не менее в той части, которая охватывает период с 1236 по 1259 г., “Большая хроника” не зависит ни от каких литературных авторитетов²⁷.

Хотя важность хроники Матвея Парижского как исторического труда широко признана, исследователи расходятся в оценке точности сообщаемых им сведений. Современные историки часто критиковали Матвея Парижского за отсутствие связности в рассказе, отмечали его недоброжелательное отношение к королю Англии Генриху III и папе Иннокентию IV и утверждали, что его произведение лишено оригинальности²⁸. Хотя хорошо известно о близких связях Матвея с политической и церковной элитами и, следовательно, о доступности для него первоисточников информации, историки неохотно признают надежность свидетельств Матвея Парижского²⁹. Некоторые ученые фактически приравнивали его к самым “желтым среди желтых” журналистов³⁰. В. Брэндт обвиняет Матвея в том, что он пишет, не соблюдая “принципа последовательности действий – основополагающей связи между различными фактами”³¹. К тому же В. Брэндт утверждает, что цементирующее вещество хроники Матвея Парижского – это его эмоции: “недоброжелательное отношение к Генриху III и Иннокентию IV стало главной темой его сочинения, к которой хронист постоянно возвращается”. Однако хотя критики и приверженцы и расходятся в своих оценках труда Матвея

Парижского, они единодушны в признании его важности с точки зрения отображения важнейших идей своего времени. Автор самой детальной биографии Матвея Парижского Ричард Вагейн считал его “непревзойденным зеркалом своего времени”³².

Джованни Виллани

Джованни Виллани (1276–1348) происходил из состоятельной семьи флорентийских купцов и банкиров. Он посвятил свою жизнь торговле и стал членом крупных компаний Перуцци и Барди. Он также проявлял активность в городской политике и служил приором при монетном дворе (*zessa*); работая там, он предложил провести важные монетные реформы. Политическая деятельность в итальянских городах той эпохи не была лишена риска, и в 1341 г. Виллани был послан в Феррару в качестве поручителя-заложника для возмещения убытков, которые принесло присоединение Луки к Флоренции. Тяжелая финансовая ситуация, затронувшая весь средневековый мир в 1346 г., привела Виллани к банкротству и временному заключению в тюрьму, а через два года он умер от чумы. Хроника была доведена до 1363 г. его младшим братом Маттео и затем до 1410 г. сыном Джованни Филиппом.

Как международный банкир и активный политик Дж. Виллани часто путешествовал за границей: достоверно засвидетельствованы, по крайней мере, три его путешествия во Фландрию. Около 1300 г. он начал сочинять всемирную историю на народном языке, разделив ее на 12 книг. Вплоть до середины XI в. его сочинение переполнено легендарными и романтическими рассказами, которые *inter alia* связывают Флоренцию с Троей – *alma mater* всех средневековых городов³³. По мере того как Джованни Виллани приближается в своем сочинении к современным ему событиям, его рассказ становится все более совершенным по части подбора фактов и их анализа: в самом деле, Виллани одним из первых средневековых хронистов сопровождает свой рассказ статистическими материалами, используя для получения надежной информации свои международные связи. Черный гвельф, он был предан церкви, но не удержался от критики папской политики там и тогда, когда он находил это оправданным или необходимым.

Сочинение Джованни Виллани можно оценить как образец историографического ренессанса в средневековой Италии, ренессанса, который привел к процветанию исторической литературы как локального, так и всемирного охвата. А сам автор принадлежал к новому типу хронистов, чей кругозор более не ограничивался местным скрипторием, но распространялся на весь христианский мир. На самом деле, Виллани был частью сложной социальной среды процве-

тающего города с его политикой и торговыми связями и, что не менее важно, с его архивами. Все эти факторы отразились в новых для историографии тенденциях, в частности в большем обмирщении истории, присущем Треченто.

ХРОНИКИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ УСТНОЙ ТРАДИЦИИ

Матвей Парижский

Под 1240 г. Матвей Парижский помещает следующий рассказ об иудео-монгольском заговоре: «В течение всего этого времени многие евреи из находящихся за морем пределов, и особенно те, кто живут в империи, полагая, что эти татары и куманы были народами из их племени, которые Господь Бог по просьбе Александра Великого запер в горах Каспия, собрались в потаенном месте по общемуговору. Один из них, который казался самым мудрым и влиятельным, обратился к ним с такими словами (*dicens*): “Братья мои, семя славного Авраама, виноградник Господа Саваофа, который по воле Господа нашего Адоная столь долго угнетался под владычеством христиан, ныне время пришло нам освободиться и в свою очередь нам по воле Бога их угнетать, дабы остаток Израиля был спасен. Ведь братья наши из колена Израилева, прежде заключенные в горах, выступили, чтобы покорить весь мир себе и нам. И чем более тяжкими и продолжительными были наши мучения, тем большая слава нас ждет. Потому давайте встретим их с ценными дарами и примем их с самыми высокими почестями – они нуждаются в зерне, оружии и вине”. Все собравшиеся с удовольствием выслушали *эту речь* (*verbum*) (здесь и далее выделено автором. – *С.Л.*) и тотчас же скупили все мечи, кинжалы и вооружение, какое только могли найти, а чтобы скрыть свое предательство, надежно упрятали все в бочки. Затем они *открыто рассказали* (*dixerunt*) христианским правителям, под чьим владычеством они находились, что эти народы, обычно называемые куманами, были иудеями, “и это они дали нам знать и со всей настойчивостью просили нас снабдить их вином, приготовленным нами, их братьями. Однако мы, желая устранить из нашей среды этих бесчеловечных всеобщих врагов и вас, христиан, освободить от их неминуемого самовластного разорения, приготовили около 30 бочек, полных смертельной отравы, чтобы их доставили к ним как можно скорее”. Потому христиане позволили этим порочным иудеям сделать этот губительный подарок гибельным врагам. Однако когда названные иудеи достигли отдаленных частей Германии и уже переходили со своими бочками через какой-то мост, владелец моста согласно обычаю по-

требовал уплаты пошлины за проход: однако, отказавшись удовлетворить его требования, иудеи *ответили дерзко* (*respondentes*), говоря, что они служили на пользу империи и всего христианства, будучи посланными к татарам с тайной целью отравить их вином. Однако владелец моста, сомневаясь в их словах, просверлил дырку в одной из бочек, но никакая жидкость оттуда не вылилась; и, удостоверившись в их коварстве, он сорвал обручи с бочки и открыл ее и обнаружил, что она была заполнена оружием. При виде его *он воскликнул* (*exclamans*): “О, неслыханное коварство, как позволяем мы таким людям жить среди нас!”»³⁴

В своем пространном сообщении об иудео-монгольском заговоре Матвей Парижский приводит множество примеров устной коммуникации, специально ссылаясь на беседы различных персонажей, в частности:

– между самими иудеями (описав, как вождь иудеев обратился к собранию соплеменников, которые тайно сошлись в целях помочь монголам в их беспощадной атаке на христианский мир, Матвей Парижский утверждает, что “все собравшиеся *выслушали эту речь с удовольствием*” – “*quod verbum cum omnes gratanter acceperunt*”);

– между евреями и их христианскими соседями в целях получения их одобрения (“тогда они *открыто рассказали* христианским вождям” – “*dixeruntque palam principibus Christianis*”);

– между евреями и сборщиком пошлин (“иудеи, однако, *ответили дерзко*, отказываясь удовлетворить его требования, говоря...” – “*ipsi autem frontose respondentes, et postulate reddere renuentes, dixerunt...*”);

– сборщик пошлин, который разоблачил предательство иудеев и оплакивал само их присутствие в христианском мире (“он воскликнул” – “*Exclamans igitur ait...*”).

Очевидно, Матвей Парижский не был свидетелем каждого из эпизодов, не вызывает сомнений и то, что он не имел доступа к источникам из первых рук, будь то еврейским или германским. Более того, в этом рассказе он не упоминает об источнике информации, хотя во многих других местах хроники он позаботился о том, чтобы сделать подобные ссылки. И все же, каким бы баснословным он ни был, этот рассказ отражает надежды евреев, считавших монголов соплеменниками из десяти пропавших колен Израиля и, в качестве таковых, орудием Провидения, предназначенным для отмщения язычникам. Кроме того, рассказ отражает и страхи христиан XIII в., которые все больше поддавались чувству ненависти к иудеям и боялись их физического присутствия в своей среде³⁵. Мы не можем быть уверены в том, что какой-то раввин в XIII в. обращался к своим при-

хожанам с речью, подобной той, которую Матвей Парижский приписал вождю иудеев. Обильное использование библейской терминологии, к которой Матвей был приучен в монастырской среде, и удивительно льстивое обращение к иудеям, вложенное в уста раввина, помимо прочего, преследовали цель придать сообщению бóльшую достоверность. В своей хронике монах Сент-Олбанского монастыря проявляет знание иудейских обычаев, таких как талмудический запрет на употребление вина, приготовленного язычниками или находившегося с ними в контакте³⁶. Несмотря на фантастичность всех диалогов, включенных Матвеем в рассказ об иудео-монгольском заговоре, они отражают доминирующие представления христиан XIII в. относительно одной из самых важных проблем этого времени – проблемы отношения к меньшинствам, в первую очередь, к евреям, но также и к монголам, особенно перед лицом опасности их вторжения. Послание было достаточно ясным, и оно взывало к защите христианского мира от двойной угрозы.

Использование Матвеем Парижским устных свидетельств в контексте рассказа о монголах отражает, таким образом, способы взаимодействия между хронистом и средневековым обществом. Это взаимодействие обеспечивалось за счет преобладающих средств коммуникации этого времени – устной традиции. В самом деле, для сочинения Матвея Парижского характерно широкое использование диалогов, вводимых в повествование для иллюстрации:

- взаимоотношений между папами и христианскими правителями и/или другими представителями церкви³⁷;
- взаимоотношений между Генрихом II и его подданными, мятежными баронами или жителями Лондона³⁸;
- контактов представителей церковных кругов Англии в собственной среде и/или в контексте их проблематичных взаимоотношений с королем³⁹.

Во всех этих случаях использование Матвеем Парижским форм устного общения кажется вполне естественным. Это подтверждают и его ссылки на источники информации. Однако диалоги были и риторическим приемом, главная цель которого – украсить повествование и привлечь внимание читателей.

Все же остается вопрос об особом контексте создания рассказа об иудео-монгольском заговоре. Отчасти прояснить его может выяснение отношения Матвея Парижского к мусульманам.

Вслед за доминиканцами, писавшими папе Григорию IX донесения из-за моря, Матвей информирует своих читателей о мусульманских обрядах и догматах ислама. Говоря о Мухаммеде как о “ядовитом драконе, звере, запятнанном кровью убиенных им людей, пытающемся выхлебать реку и все еще верящем, что Иордан впадет в его

уста”⁴⁰, Матвей использует случай, чтобы нарисовать самый предосудительный образ пророка, чьи безудержные страсти повлияли на принятые им религиозные установления.

«У Мухаммеда был слуга по имени Заид, и была у него жена Зейнаб, очень красивая женщина, к которой Мухаммед воспылал любовью; обнаружив это и зная о присущей его хозяину чувственности, тот сказал своей жене: “Смотри, чтобы не увидел тебя мой хозяин, не то я разведусь с тобой”. Однако как-то раз, когда он отсутствовал, Мухаммед пришел к нему домой и позвал его, и поскольку он не ответил, Мухаммед продолжал стучать в дверь так долго, пока женщины это не надоело и она не сказала: “Заида нет дома”. Вернувшись спустя некоторое время, Заид застал свою жену разговаривающей с его хозяином, и когда тот ушел, он сказал жене: “Разве не говорил я тебе, что если хозяин мой тебя увидит и ты вступишь с ним в беседу, то я разведусь с тобой”, и тотчас же выдворил ее из дома. Тогда Мухаммед забрал ее к себе, но, опасаясь, как бы его не обвинили в нарушении супружеской верности, сделал вид, будто небесами ему было ниспослано письмо, в котором Господь повелел ему объявить в народе закон, по которому, если кто-то разведется со своей женой и другой возьмет ее к себе, то пусть она станет женой последнего. И по сей день есть такой у них закон, который произошел из выше-названного случая... Некий человек по имени Гали, сын Али ибн Абу Талиба осуждал Мухаммеда за его измены, особенно за то, что он возлюбил эту нарушившую супружескую верность женщину больше всех своих жен. “О пророк Бога, – сказал он, – из-за этой женщины, которую ты у себя держишь, ты подвергаешь себя позору и порицанию со стороны каждого”; однако тот, под влиянием своей страсти, не отсылал ее, но оправдывал свою измену ложными доводами. И было у этого Мухаммеда 15 жен...»⁴¹

Использование диалогов в этом контексте, будь то между Заидом и его женой или между Мухаммедом и Али ибн Абу Талибом, нацелено на то, чтобы ввести в рассказ достаточно подробностей, одновременно наделяя его всеми атрибутами достоверного свидетельства. Вместе с тем очевидно, что Матвей Парижский, составив свой рассказ таким образом, чтобы он казался аутентичным, преднамеренно искажил упомянутые в нем факты: на самом деле Заид не был слугой Мухаммеда, последний усыновил его, так как все законные сыновья пророка умерли в молодом возрасте и в живых оставались только дочери. Из-за введенного Мухаммедом запрета отцу и сыну брать в жены одну и ту же женщину, пророк не стал жениться на Зейнаб, хотя Заид был готов развестись со своей женой, которую возжелал его приемный отец. Коран изображает треугольник Мухаммед–Зейнаб–Заид как божественное оправдание запрета на усыновление – сыновьям не следует принимать имя усыновляющих

родителей или наследовать им (сура 33: 4–5, 37). Что касается полигамии и мусульманских обрядов, то Коран не разрешает иметь более четырех жен (сура 4: 2–3)⁴². Сам Мухаммед первый раз был женат на Хадидже, богатой купчихе старше него на 15 лет, и она первая в него уверовала. После ее смерти Мухаммед осмелился жениться на других женщинах – их общее число, по оценкам разных источников, от 10 до 15 – на многих он женился по политическим мотивам, т.е. связывая себя узами родства, дабы обеспечить путь к лидерству⁴³. Вывод очевиден: хотя доминиканцы и снабжали Матвея достоверными источниками и совершенно надежной информацией, Матвей Парижский манипулировал образом Мухаммеда и его последователей при помощи диалогов – с целью подчеркнуть достоверность своего рассказа.

Таким образом, отношение Матвея Парижского к Мухаммеду и исламу в целом вписывается в систему его отношений к “другому”. Еще один пример может проиллюстрировать это: под 1238 г. Матвей рассказывает о прибытии миссии сарацин в королевский суд Англии с целью организовать совместный отпор монгольской угрозе. Матвей с нескрываемым одобрением говорит о реакции Питера де Роше, епископа Винчестерского, который прервал их речь и, перекрестив их, игриво ответил: “Пусть эти собаки сожрут друг друга, дабы все они были истреблены и погибли; и мы тогда выступим против оставшихся врагов Христа, уьем их и очистим лик земли, так что весь мир будет подчиняться Католической церкви и будут один пастырь и одна паства”⁴⁴. Если слова, приписываемые прелату, и впрямь подлинны, – а может быть, так оно и было, – то у нас есть еще одно подтверждение тесной связи Матвея Парижского с обществом XIII в., символические представления которого так хорошо изображает “Большая хроника”.

Джованни Виллани

Избрание Бертрана де Гота, архиепископа Бордо, папой 5 июня 1305 г., о котором повествует Джованни Виллани, – это пример того же рода измышления устных сообщений, что и рассказ Матвея об иудео-монгольском заговоре⁴⁵. Избрание папы не-итальянца, который долгие годы откладывал свое путешествие в Рим, да так в конечном итоге и не посетил этот город, возбудило крайние страхи на Аппенинском полуострове⁴⁶. Всеобщая подозрительность подкреплялась свежими воспоминаниями о надругательстве над папой Бонифацием в Ананьи: с тех пор едва прошло два года, а папский и королевский дворы еще не нашли путь к компромиссу.

Бертран де Го, третий сын Бери де Го, сеньора Вилландро, Грайна, Ливрана и Узеста, и Иды Бланшфлор, родился в Вилландро

(ныне департамент Жиронда) в середине XIII в.⁴⁷ Семья де Го была рыцарского происхождения и связана с родами Савиньяк и Прейсак⁴⁸, причем все они имели прочные связи с церковной и политической элитой этого региона⁴⁹. Поэтому избрание Бертрана де Го в папы едва ли можно рассматривать как исключительный случай; его род и высокий церковный ранг полностью оправдывают этот выбор. Архиепископ Бордо Бертран проявил замечательный дипломатический талант: несмотря на жесткое противоборство королевской власти (*regnum*) и папства (*sacerdotium*)⁵⁰, он поддерживал хорошие отношения как с Филиппом Красивым, так и с Бонифацием VIII. Однако реальные факты или политические соображения не сыграли никакой роли в создании образа нового папы на Аппенинах, образа, представлявшего собой смесь предрассудков, ксенофобии, слухов и ложной информации. Джованни Виллани представил одну из самых “творческих” версий, изобразив выборы Климента V как осуществление так называемого “заговора французского короля”⁵¹. Его сообщение также содержит весьма выразительные диалоги, которые вели кардиналы, король Франции Филипп Красивый и его кандидат в папы Бертран де Го, архиепископ Бордо.

«Так как после смерти названного папы [Бенедикта XI] возникли разногласия и глубокий раскол среди кардиналов, составлявших коллегия, которая выбирала папу, и коллегия кардиналов – их было семеро – была поделена на две как бы неравные партии... (<...>) И они более чем девять месяцев заседали на конклаве, и перуджинцы вынуждали их назначить папу, а они не могли прийти к согласию, и в конце концов кардинал Прато, находясь с господином кардиналом Франческо де Гуатани в уединенном месте, *сказал* (*disse*): “Мы причиняем церкви большой вред и зло тем, что не назначаем папу”. А сеньор Франческо *сказал* (*disse*): “Сие от меня не зависит”. На что кардинал Прато *ответил* (*rispuose*): “А если бы я нашел верное средство, вы остались бы довольны?” Тот *ответил* (*rispuose*) утвердительно; и, так беседуя между собой, они пришли к согласию, благодаря ловкости и хитрости кардинала Никколо из Прато, – ведь начав переговоры с названным господином Франческо, он поставил условие, что одна из коллегий, дабы отвести все подозрения, выберет трех кандидатов из-за Альп, которые бы им подошли, а другая коллегия через сорок дней выберет одного из трех по своему разумению, и он-то и станет папой. Сеньору Франческо Гуатани выпало сделать выбор, и он, считая, что извлечет из этого выгоду, и выбрал трех архиепископов из-за Альп (<...>) среди этих трех архиепископ Бордо был первым и самым доверительным лицом. Разумный и предусмотрительный кардинал Прато счел, что лучше было бы откликнуться на их пожелания и выбрать господина Бертрана де Го, архиепископа Бордо (<...>) оттого, что тот был ставленником папы Бони-

фация и не был другом короля Франции, причинившим обиды его ближним в войне между Гасконью и сеньором Карлом Валуа; но, зная архиепископа как “человека, лишенного чести и благородства – ведь он был гасконец, а они хищны по своей природе”, полагал, что он легко мог бы примириться с королем Франции; и так они заключили тайную сделку (...) собрали свои и других кардиналов послания (...) королю Франции и вложили в письмо (...) предложения от другой части коллегии и отправили надежных курьеров (...) из Перуджи в Париж через 11 дней, предупреждая и прося короля Франции в своих письмах, что если он желает занять свое место в святой церкви и помочь своим друзьям Колоннези, и “превратить своего врага в друга”, т.е. господина Бертрана де Го, архиепископа Бордо, одного из трех избранных и наперсников другой стороны, пусть оговорит с ним благоприятные условия для себя и своих друзей, поэтому ему были поручены выборы одного из трех, – того, кто ему угоден. Король Франции, получив названные письма и поручения, повеселел и приступил к делу. Сначала он послал через посольных дружеские письма в Гасконь сеньору Бертрану де Го, архиепископу Бордо, который вышел ему навстречу и пожелал *поговорить* (parlare) с ним; и через шесть дней король самолично с небольшим тайным эскортом совещался с названным архиепископом из Бордо в лесу в окрестностях аббатства Сен-Жан д’Анжели; и выслушав мессу и поклявшись на алтаре, король вел с ним переговоры и прекрасными речами убеждал его примириться с Карлом, а потом *сказал* (disse) ему: “Пойми, архиепископ, в моей власти сделать тебя папой, если я того пожелаю, и все же я пришел к тебе: и потому, если ты обещаешь оказать мне шесть любезностей, о которых я тебя прошу, я окажу тебе эту честь; и чтобы ты поверил, вот что у меня есть”, и с этими словами вынул и показал ему грамоты и взаимные поручительства одной и другой коллегии кардиналов. Гасконец, страстно желавший сана папы, сразу же поняв, что король мог сделать его папой, ошеломленный радостью, бросился ему в ноги и *сказал* (disse): «Мой господин, теперь я знаю, что ты предпочитаешь меня кому бы то ни было и желаешь “*ответить мне добром на зло*”; ты будешь приказывать, а я буду повиноваться. И так будет всегда». Король поднял его и поцеловал в уста, а затем *сказал* (disse): “Шесть любезностей, которые я жду от тебя, таковы. Первая, чтобы ты совершенно примирил меня с церковью и чтобы мне простили проступок, связанный с пленением папы Бонифация. Вторая – возратить в лоно церкви меня и моих сторонников. Третья – чтобы ты предоставлял всю десятину, которую ты будешь собирать в течение пяти лет, чтобы помочь мне покрыть расходы на войну с Фландрией. Четвертая – ты должен мне обещать изгладить из людской памяти папу Бонифация. Пятая – чтобы ты оказал честь и возвел в сан кардиналов господина

Якопо и господина Пьетро де ла Колонна и сдружился с ними. Шестая любезность, сделать которую ты мне обещаешь, останется пока тайной, и право попросить об этой великой милости в подходящий момент и в подходящем месте я оставляю за собой”. Архиепископ *обещал* (promise) выполнить все, поклявшись на причастии, и сверх того отдал ему в заложники брата и двух своих племянников; и король *поклялся* (giurò) ему и обещал, что его выберут папой. (...) И затем названный кардинал Никколо из Прато благоразумно сослался на подходящий авторитет из Священного Писания, и так выбрали папой названного Бертрана де Го, архиепископа Бордо; и тогда с большой радостью обеих сторон это было принято и утверждено, и *пели во весь голос* (e cantato con grandi voci) “Te Deum laudamus” и т.д., и не знала другая сторона, представлявшая папу Бонифация, что имел место обман и коварство... (...) Эти выборы имели место 5 июня в год 1305 от Р.Х., и апостольский престол пустовал 10 месяцев и 28 дней»⁵².

Согласно Виллани, кандидатура архиепископа Бордо для избрания в папы была выдвинута кардиналом Никколо Альбертини из Прато, которому была хорошо известна такая слабая черта архиепископа, как “отсутствие чести и благородства, – ведь он был гасконец, а они хищны по своей природе”. В конечном итоге Никколо из Прато помог королю Франции заранее достигнуть соглашения со своим кандидатом. Предположительно это соглашение было достигнуто на встрече между королем и архиепископом в Сен-Жан д’Анжели⁵³. Рабелезная позиция Бертрана де Го – “Мой господин... ты будешь приказывать, а я буду повиноваться. И так будет всегда” (tu hai a comandare e io a ubidire, e sempre sarò così disposto) – удовлетворила короля и обеспечила поддержку на выборах. Обстоятельства, которые, предположительно, обеспечили успех интригам французского короля, в том виде, как они изложены Виллани, однако, не поддаются какой бы то ни было верификации, что было продемонстрировано французским историком М. Рабани еще 100 лет тому назад⁵⁴.

Несмотря на вымышленный характер, сообщение Виллани все же заслуживает обстоятельного обсуждения, так как оно отражает господствовавшие в Италии умонастроения, причем на их формирование повлияла, в первую очередь, политика, проводившаяся во времена понтификата Климента V, а именно тесный альянс папы с королем Франции и запрещение по его приказу ордена тамплиеров. Эти тенденции, которые изменили вектор политики конфронтации, заданный папой Бонифацием, могут быть объяснены в свете предварительно заключенного альянса, основанного на принципе *do ut des*, между могущественным и мстительным королем, отчаянно нуждавшимся в деньгах, и честолюбивым прелатом, упорно стремившимся к вершинам церковной власти.

Со временем щедрость Климента V по отношению к его многочисленной семье укрепила его репутацию гасконца, со всеми приписываемыми этому типу негативными чертами. Такие изречения, как “искатель чести и славы, подобный гасконцу”, “алчность гасконцев”, стали клише в источниках того времени⁵⁵. Продолжая вымышленное описание событий, Виллани цитирует и другие поговорки и высказывания, хорошо известные современникам. Изречение “превратить своего врага в друга” на самом деле было заимствовано у греческого автора Диогена Лаэртского, чье сочинение “О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов”⁵⁶ в его латинской версии и переводах на народные языки пользовалось большой популярностью в средневековом христианском мире⁵⁷. Что касается сентенции “ответить добром на зло”, то она также была распространена в христианской правоучительной литературе. В Библии не единожды осуждается противоположное по смыслу действие – отвечать злом на добро⁵⁸. К тому же Новый Завет придавал особое значение идеалу доброты в духе Нагорной проповеди Иисуса, не требующей вознаграждения или мщениия (Мф. 5: 38–39)⁵⁹. Самый факт, что Виллани вставляет в свое повествование пословицы и моральные сентенции, подтверждает значение хроник как источника для изучения устной традиции. Он также свидетельствует о существовании различных форм и видов средневековой устной коммуникации, осуществлявшейся в разных сферах человеческой деятельности и изменчивых во времени⁶⁰.

Вымышленный характер большинства процитированных хронистом речей и диалогов может вызвать вопросы относительно значения хроник для исторического исследования в целом и для изучения устной традиции в частности. Хронисты просто придумывали речи или диалоги в соответствии со своими целями, и связь между процитированными речами и истинной реальностью может быть только случайной. Как Матвей Парижский, так и Джованни Виллани сознательно манипулировали речами, вложенными в уста “главных действующих лиц”, будь то евреи, сборщик пошлин, Мухаммед или кардиналы, король Франции и церковные прелаты. Мы видели, что в иудео-монгольском и французском заговорах проявляется их незаконная и даже криминальная сущность. Об этом свидетельствует стремление иудеев поддержать монголов, не менее очевидна такая угроза и в случае с Филиппом Красивым: “наихристианнейший король” реально противодействовал проведению свободных папских выборов в назначенное время и в соответствии с каноническим правом⁶¹. Сам факт использования хронистами во всех этих случаях диалогов, возможно, свидетельствует о том, что они считали сомнительную достоверность своих сообщений и стремились придать им правдоподобие, имитируя устные формы коммуникации.

Вместе с тем не все устные свидетельства, процитированные в нарративных источниках, – прямые фальсификации. Вот один пример, подтверждающий это: 7 сентября 1303 г. 500 вооруженных людей во главе с Шарлем де Колонном и Гильомом Ногаре, главным советником французского короля, напали на папу Бонифация VIII в его резиденции в Ананьи и попытались силой доставить его в Париж, где он должен был предстать перед судом по обвинению в ереси. Однако папа был освобожден из своего плена и вскоре после этого скончался в Риме. Упоминая “дело в Ананьи”⁶², Виллани описывает как перепалку между простонародьем и наместником Бога на земле, так и героическую предсмертную речь самого папы: «...Папа Бонифаций со своими кардиналами, со всем своим двором находился в Кампании в городе Ананьи, где он родился, и не думая и не слыша об этом сговоре, не выставляя стражу, и если какой-то слух его достиг, он по великодушью счел за лучшее не верить. В сентябре 1303 г. Шарль де Колонна со своими людьми, 300 всадниками и пехотинцами, нанятыми на деньги французского короля и подкрепленными войсками сеньоров Чеккано и Супино и другими баронами Кампании и сыновьями сеньора Мафффио д’Ананьи, прибыл на место с согласия одного из кардиналов, который присоединился к заговору; ранним утром [эти люди] вошли в Ананьи под знаменами и флагами французского короля, крича (*gridando*): “Смерть папе Бонифацию, и да здравствует король Франции!”, и опустошили землю, и неблагодарный народ Ананьи встал под знамена мятежников; доехав до папского дворца, они беспрепятственно вошли в него и взяли дворец, ведь их атака была неожиданной для папы и его свиты, и они даже не поставили стражу. Папа Бонифаций услышал шум и увидел, поскольку все кардиналы его покинули, сбежали и из страха перед скорбной участью спрятались, что покинут большинством своих придворных; увидев, что враги захватили землю и дворец, в котором он находился, папа застыл в неподвижной позе, но, будучи благородным и храбрым человеком, сказал (*disse*): “Пусть из-за предательства, как Иисуса Христа, меня схватят, и если мне надо будет умереть, то, по крайней мере, хочу умереть, как это подобает папе”; и с этого момента уподобился святому Петру и с короной Константина на голове и ключами и крестом в руках воссел на свой папский престол... В этом состоянии скорби, стыда и муки пребывал храбрый папа Бонифаций, захваченный своими врагами, в течение трех дней; но подобно тому как Христос воскрес на третий день, так было угодно, чтобы папа Бонифаций был освобожден если не силой молитвы и другой помощью, то не без божественного вмешательства; народ Ананьи, опомнившись и осознав свою ошибку и слепую неблагодарность, сразу же поднял вооруженное восстание, крича (*gridando*): “Да здравствует папа, смерть предателям!”; люди, разбежавшись по всем землям, выгнали Шарля де Ко-

лонну и его сторонников, многие из которых были взяты в плен и убиты, а папа и его придворные были освобождены...»⁶³.

Тот факт, что Виллани был современником “дела в Ананьи”, вызывает доверие к его сообщению, которое подтверждается и другими аутентичными источниками⁶⁴. Однако приверженность хрониста к изображению демонстративных актов и публичных манифестаций как повествовательному приему будит подозрения в точности его рассказа. Более того, сам факт, что Виллани не упоминает источники своих сведений, в отличие от Матвея Парижского, сознательно на протяжении всей своей хроники вставлявшего такие указания, позволяет рассматривать его ссылки на манифестации всеобщего недовольства или одобрения как литературный топос, одно из многих риторических украшений, использованных с целью привлечь внимание публики. Тем не менее сами по себе эти примеры могут свидетельствовать о многообразии видов устной коммуникации и ее социальной значимости.

* * *

Приведенные выше примеры из позднесредневековых источников не подтверждают классификацию Э. Ван Хутс, предложенную для раннесредневекового периода. Устные свидетельства и диалоги, процитированные как Матвеем Парижским, так и Джованни Виллани, часто оказываются всего лишь неким приемом, литературным инструментом, предназначение которого – привлечь внимание аудитории и придать большую достоверность сообщениям, которые по сути являются абсолютным вымыслом.

Подытожим: устные сообщения использовались главным образом для того, чтобы манипулировать эмоциями, будь то ненависть, страх, скрытый антагонизм или безусловное одобрение. В самом деле, воображение, средства риторики и эмоционального воздействия, словесные обороты и клише, весь спектр человеческих переживаний – все это находило выражение в устных сообщениях, включенных в средневековые хроники. Они демонстрируют тесную связь между устной и текстуальной традициями, которая требует дальнейшего исследования. Таким образом, устные свидетельства раскрывают существенные аспекты жизни средневекового общества и заслуживают нашего пристального внимания, поскольку они дают адекватное представление о господствовавших в обществе умонастроениях, прежде всего, присущих самим авторам, но также отражавших внутренний мир более широких слоев средневекового общества. Поэтому мы должны противостоять любой попытке “стерилизовать” хроники, т.е. собирать по крохам содержащиеся в них “исторические факты”, ибо в таком случае мы можем утратить ценный источник информации иного рода.

Приведенные в этой статье примеры, помимо прочего, можно рассматривать как модель взаимодействия устной и письменной культур, – процесса, составлявшего глубинную сущность средневековых социальных коммуникаций. Хотя на первый взгляд устная и текстуальная традиции взаимно исключают друг друга, в действительности средневековое общество колебалось между умолчанием о письменном слове и все более растущим сознанием его власти. Кроме того, рассмотренные фрагменты из сочинений Матвея Парижского и Джованни Виллани показывают, насколько важен последовательный анализ такого рода, распространенный на “Большую хронику” и “Историю Флоренции” в целом. Лишь занимаясь исследованиями такого рода, мы сможем полнее выявить структуру каждого из этих произведений в целом и определить своеобразие авторских установок.

¹ *Goy J. Histoire orale // La nouvelle histoire / Ed. J. Le Goff, R. Chartier et J. Revel. P., 1978. P. 446–448.*

² Вопрос о том, послужила ли монография Альберта Лорда (*Lord A.B. The Singer of Tale. Harvard, 1960*) главным стимулом этой дискуссии, остается открытым. См.: *Richter M. A Paradigm of Oral Culture // Langages et peuples d'Europe: Cristallisation des identités romanes et germaniques (VIIe–XIe siècle). Toulouse, 2002. P. 179.*

³ *Menache S. The Vox Dei: Communication in the Middle Ages. N.Y., 1990. P. 18–19.*

⁴ Следует принять во внимание различие подходов к этому вопросу у М. Рихтера и Р. МакКиттерик. Сосредотачиваясь на раннем Средневековье, М. Рихтер подчеркивает преобладание устной традиции и ее значение для внутренней солидарности и стабильности общества, в то время как МакКиттерик делает акцент на широко распространенной письменной традиции, особенно применительно к Каролингской эпохе и последующему времени. См.: *Richter M. The Oral Tradition in the Early Medieval West. Turnhout, 1994; Idem. A Paradigm of Oral Culture. P. 186. McKitterick R. The Carolingians and the Written Word. Cambridge, 1989. О росте грамотности в XI–XIII вв. см.: Clanchy M. From Memory to Written Record: England, 1066–1307. Oxford, 1993; Stock B. The Implications of Literacy: Written Language and Models of Interpretation in the Eleventh and Twelfth Centuries. Princeton, 1983.*

⁵ *Richter M. Beyond Goody and Grundmann // Oral History of the Middle Ages: The Spoken Word in Context / Ed. M. Richter, G. Jaritz. Krems; Budapest, 2001. P. 18.*

⁶ Согласно Я. Вансине, “устная культура может быть определена как передача знаменательных устных свидетельств, которые сами основаны на устных свидетельствах”. См.: *Vansina J. Oral Tradition in History. L., 1985. P. 3, 29.*

⁷ *Richter M., Jaritz G. Preface // Oral History of the Middle Ages. P. 7.*

⁸ *Geary P.J. Oblivion between Orality and Textuality in the Tenth Century // Medieval Concepts of the Past: Ritual, Memory, Historiography / Ed. G. Althoff, J. Freid and P.J. Geary. Cambridge, 2000. P. 111.*

⁹ *Vollrath H. Das Mittelalter in der Typik oraler Gesellschaft // Historische Zeitschrift. 1981. Bd. 223. S. 587.*

- ¹⁰ Le Bestaire d'amour en vers par Richard Fournival / Publ. par A. Långfors. Helsingfors, 1925.
- ¹¹ *Schaefer U.* Vokalität: Altenglische Dichtungen zwischen Mündlichkeit und Schriftlichkeit. Tübingen, 1992. S. 14 ff.
- ¹² *Geary P.* Oblivion between Orality and Textuality... P. 115.
- ¹³ *John of Salisbury.* Policraticus or the Frivolities of Courtiers and the Footprints of Philosophers / Ed. and transl. C.J. Nederman. Cambridge, 1990. Lib. VII. Cap. 9.
- ¹⁴ *Murray A.V.* Voices of Flanders: Orality and Constructed Orality in the Chronicle of Galbert of Bruges // *Handelingen der Maatschappij voor Geschiedenis en Oudheidkunde te Gent.* N.s. 48. 1994. P. 106–107.
- ¹⁵ *Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiae* / Ed. W.M. Lindsay. Oxford, 1911. Lib. I. Cap. 41, 44.
- ¹⁶ *Van Houts E.M.C.* Genre Aspects of the Use of Oral Information in Medieval Historiography // *Gattungen mittelalterlicher Schriftlichkeit* / Ed. B. Frank, T. Haye and D. Tophinke. Tübingen, 1998. P. 297–303.
- ¹⁷ *Van Houts E.M.C.* Op. cit. P. 308.
- ¹⁸ О кардинальном значении традиции подражания в средневековой культуре и обществе см.: *Barlett A.C.* Male Authors, Female Readers: Representation and Subjectivity in Middle English Devotional Literature. Ithaca, 1995. P. 32.
- ¹⁹ *Bagliani A.P.* Pour une approche prosopographique de la cour pontificale du XIIe siècle: Problèmes de méthode // *Medieval Lives and the Historian: Studies in Medieval Prosopography* / Ed. N. Bulst and J.-P. Genet. Kalamazoo, 1986. P. 113–121.
- ²⁰ *Guenée B.* Histoire et chronique: Nouvelles réflexions sur les genres historiques au moyen âge // *La chronique et l'histoire au moyen âge* / Ed. D. Porion. P., 1982. P. 10–11.
- ²¹ *Van Houts E.M.C.* Local and Regional Chronicles. Turnhout, 1995. (Typologie des sources du moyen âge occidental; Vol. 74). P. 14.
- ²² *Dumville D.* What is a Chronicle? // *The Medieval Chronicle* / Ed. E. Kooper. Amsterdam, 2002. Vol. II. P. 4.
- ²³ *Spiegel G.* Theory into Practice: Reading Medieval Chronicles // *The Medieval Chronicle* / Ed. E. Kooper. Amsterdam, 1999. P. 7.
- ²⁴ *Dumville D.* What is a Chronicle? P. 22–23.
- ²⁵ *Galbraith V.H.* Roger Wendover and Matthew Paris // *Galbraith V.H. Kings and Chroniclers.* L., 1982. P. 38–39.
- ²⁶ *Matthaei Parisiensis Chronica Majora* / Ed. H. Luard. L., 1880. Vol. 5. P. 469–470.
- ²⁷ *Menache S.* Rewriting the History of the Templars According to Matthew of Paris // *Cross Cultural Convergences in the Crusader Period: Essays Presented to Aryeh Graboi* / Ed. M. Goodich et al. N.Y., 1996. P. 183–213.
- ²⁸ *Grandsen A.* Historical Writing in England, c. 550 to c. 1307. L., 1974. P. 356–379.
- ²⁹ *Vaughan R.* Matthew Paris. Cambridge, 1958. P. 117, 125, 131, 150. См.: *Bagley J.J.* Historical Interpretation: Sources of English Medieval History, 1066–1540. Harmondsworth, 1965. P. 56; *Smalley B.* Historians in the Middle Ages. N.Y., 1974. P. 161.
- ³⁰ *Beard R.N.* Grapes of the Cask: A Tryptich of Medieval English Monastic Historiography // *Studia Monastica.* 1982. T. 24. P. 96.
- ³¹ *Brandt W.J.* The Shape of Medieval History: Studies in Modes of Perception. New Haven, 1966. P. 51, 76.
- ³² *Vaughan R.* The Illustrated Chronicles of Matthew of Paris: Observations of Thirteenth-Century Life. Cambridge, 1993. P. X.

- ³³ *Salvestrini F.* Giovanni Villani and the Aetiological Myth of Tuscan Cities // The Medieval Chronicle. Vol. II. P. 199–211.
- ³⁴ *Matthaei Parisiensis Chronica Majora*. L., 1878. Vol. 4. P. 131–133.
- ³⁵ *Menache S.* Tartars, Jews, Saracens and the Jewish-Mongol Plot of 1241 // History. 1996. T. 81. P. 334–338; *Chazan R.* The Deteriorating Image of the Jews: Twelfth and Thirteenth Centuries // Christendom and Its Discontents: Exclusion, Persecution and Rebellion, 1000–1500 / Ed. S.L. Waugh and P.D. Diehl. Cambridge, 1996. P. 220–233; *Idem.* Medieval Stereotypes and Modern Antisemitism. Berkley, 1997. P. 41–94.
- ³⁶ *Katz J.* Exclusiveness and Tolerance: Studies in Jewish-Gentile Relations in Medieval and Modern Times. N.Y., 1973. P. 27, 34, 38–39, 102–105.
- ³⁷ См., например: *Matthaei Parisiensis Chronica Majora*. L., 1876. Ad a. 1235: vol. 3, p. 333; ad a. 1236: vol. 3, p. 362; ad a. 1239: vol. 3, p. 538; ad a. 1239: p. 609; ad a. 1240: vol. 4, p. 5; ad a. 1254: vol. 5, p. 460; ad a. 1258: vol. 5, p. 662.
- ³⁸ *Ibid.* Ad a. 1237: vol. 3, p. 380–381; ad a. 1238: vol. 3, p. 477–478; ad a. 1239: vol. 3, p. 523–524; ad a. 1239: vol. 3, p. 532; ad a. 1239: vol. 3, p. 567; ad a. 1239: vol. 3, p. 619; ad a. 1255: vol. 5, p. 485; ad a. 1255: vol. 5, p. 530; ad a. 1258: vol. 5, p. 676–677; ad a. 1258: vol. 5, p. 706; ad a. 1258: vol. 5, p. 727.
- ³⁹ *Ibid.* Ad a. 1238: vol. 3, p. 494; ad a. 1239: vol. 3, p. 529; ad a. 1239: vol. 3, p. 541–542; ad a. 1239: vol. 3, p. 567; ad a. 1239: vol. 3, p. 616; ad a. 1247: vol. 4, p. 643–644; ad a. 1248: vol. 5, p. 43–44; ad a. 1250: vol. 5, p. 120; ad a. 1253: vol. 5, p. 405–406; ad a. 1255: vol. 5, p. 525; ad a. 1255: vol. 5, p. 526; ad a. 1257: vol. 5, p. 634; ad a. 1258: vol. 5, p. 683–687.
- ⁴⁰ *Ibid.* Ad a. 1236: Vol. 3. P. 356.
- ⁴¹ *Ibid.* P. 348–349: «Quidam vir nomine Galy, filius Habytalip, Machomet de suis adulteriis arguebat, prae eo praecipue quod adulteram prae omnibus habebat carissimam. Dicebat enim, “O Propheta Dei, propter mulierem quam tenes, magnum occurris ab omnibus hominibus opprobrium...”»
- ⁴² О запрете Корана на формальное усыновление см.: *Gilad A.* Children // Encyclopaedia of the Qu’ran. Leiden, 2001. P. 301–313.
- ⁴³ *Stowasser B.F.* Women in the Qu’ran. Traditionas and Interpretations. N.Y.; Oxford, 1994. P. 85–103.
- ⁴⁴ *Matthaei Parisiensis Chronica Majora*. Ad a. 1238: Vol. 3. P. 489.
- ⁴⁵ О папских выборах в более общей историографической перспективе см.: *Menache S.* Clement V. Cambridge, 1998. P. 6–34.
- ⁴⁶ О господствовавших во Франции установках относительно прежних пап см.: *Menache S.* Réflexions sur quelques papes français du bas moyen âge: Un problème d’origine // Revue d’histoire ecclésiastique. 1986. T. 81. P. 117–130.
- ⁴⁷ *Duffour J.* Le lieu de naissance de Clément V // Revue de Gascogne, n.s.s 1905. T. 5. P. 371.
- ⁴⁸ *Ehrle F.* Der Nachlass Clemens’ V und der in Betreff desselben von Johann XXII (1318–1321) geführte Prozess // Archiv für Literatur und Kirchengeschichte. 1889. Bd. 5. S. 148–149; *Guillemain B.* La cour pontificale d’Avignon (1309–1376). Etude d’une société. P., 1962. Charte 3.
- ⁴⁹ Rôles gascons. Collection des documents inédits sur l’histoire de France. P., 1885–1962. Vol. 2 / Ed. Ch. Bemont; *Kicklighter J.A.* La carrière de Beraud de Got // Annales du Midi. 1973. Vol. 85. P. 327–334; *Idem.* An Unknown Brother of Pope Clement V // Medieval Studies. 1976. Vol. 38. P. 492–495.
- ⁵⁰ *Menache S.* Clement V... P. 6–13.
- ⁵¹ См. другие диалоги заговорщического характера, цитируемые в хронике Виллани: Cronaca di Giovanni Villani a miglior lezione ridotta / Ed. F.G. Dragomanni.

- Firenze, 1845. Vol. 1–4. Ad a. 1302: l. IX, c. LVI; ad. a. 1302: l. IX, c. LXI; ad a. 1307: l. IX, c. XCI; ad a. 1308: l. IX, c. CI.
- 52 Cronaca di Giovanni Villani a miglior lezione ridotta. Vol. 2. Lib. IX. Cap. LXXX. P. 275–277: “Ché dopo la morte del detto papa [Benedictus XI] nacque scisma, e fue grande discordia infra ’l collegio de’ cardinali d’eleggere papa, e per loro sette erano divisi in due parti quasi iguali...”.
- 53 Никколо из Прато играет главную роль в повествовании Виллани, который подчеркивает влияние кардинала на папу Климента V, при этом намекая на его мудрость и хорошее знание политики и церковных дел. См., например: Cronaca di Giovanni Villani a miglior lezione ridotta. Ad a. 1307: l. IX, c. XCI; ad a. 1308: l. IX, c. CI. См. также: *Fei R. Il Cardinale Niccolò da Prato (1250–1321) // Mémoire dominicaine. 1922. Vol. 39. P. 467–483.*
- 54 *Rabanis M. Clément V et Philippe le Bel: Lettre à M. Charles Daremberg sur l’entrevue de Philippe le Bel et de Bertrand de Got à Saint Jean d’Angély. P., 1858. P. 18 ff, 152–159; Andrat L. L’entrevue de Bertrand de Got et de Philippe le Bel // Bulletin de la société des archives historiques de la Saintonge et de l’Aunis. 1885. Vol. 5. P. 230–232; Hefèle C.J., Leclercq H., Dom. Histoire des conciles d’après les documents originaux. P., 1909–1917. Vol. 6. P. 487–498.*
- 55 *La chronique métrique attribuée à Geffroy de Paris / Ed. A. Diverrès. Strasbourg, 1956. P. 175. V. 444–448.*
- 56 *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. Кн. 1, 91.*
- 57 Я благодарна проф. М.-К. Вароль за то, что она обратила мое внимание на это изречение.
- 58 Быт. 44: 4; 1 Цар. 25: 21; Иер. 18: 20; Пс. 35: 12, 38: 21; 109: 5; Притч. 18: 13. Однако легендарные еврейские источники VIII в. (Мидраш Агада), которые упоминают максиму в духе Виллани, ссылаются на смутное упоминание в Мицах. 7: 3–4. См., например: Шемот Раба. 26: 4–5, 2.
- 59 См. также: Лк. 6: 27–38; Рим. 12: 16–21; 1 Петр. 3: 16–22.
- 60 О взглядах хронистов на устную традицию в зависимости от разных обстоятельств см.: *Murray A.V. Voices of Flanders. P. 103–119 и прилож. на с. 119.*
- 61 *Corpus Iuris Canonici / Ed. A. Friedberg. Leipzig, 1897. Tit. VI “De electione”. Cap. 3. VI; Documents of the Christian Church / Ed. H. Bettenson. Oxford, 1963. P. 140; Mirbt C. Quellen zur Geschichte des Papstums und des römischen Katholizismus. Tübingen, 1924. S. 171–172. О высоком религиозном статусе французского короля см.: Strayer J. France: The Holy Land, the Chosen People, and the Most Christian King // *Medieval Statecraft and the Perspectives of History. Princeton, 1978. P. 300–314.**
- 62 См. одно из самых обстоятельных исследований на эту тему: *Elm K. Das Attentat von Anagni. Der Überfall auf Papst Bonifaz VIII. am 7. September 1303. Köln, 1996.*
- 63 Cronaca di Giovanni Villani a miglior lezione ridotta. Lib. IX, cap. LXII. P. 261–263: “...che essendo papa Bonifazio co’ suoi cardinali e con tutta la corte ne la città d’Anagna in Campagna, ond’era nato e in casa sua, non pensando né sentendo questo trattato, né prendendosi guardia”.
- 64 *Ruiz T.R. Reaction to Anagni // The Catholic Historical Review. 1979. N 65. P. 385–401.*